

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Сосновской Анны Михайловны на тему: «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по научной специальности 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика

Актуальность темы «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия» объясняется необходимостью сохранения культурного наследия в эпоху грандиозных технологических инноваций и увеличивающегося значения материальных ценностей, меняющих сами основы жизни и деятельности человека и вносящих серьезный вклад в современные концепции «участия». Особую значимость в этом контексте приобретают проблемы градозащиты и формирования политики культурной памяти. Не случайно обозначенное направление государственной политики нашло отражение в национальных проектах и контенте общественно-политических и специализированных изданий. Можно согласиться с тем, что усиливается и роль технологии и материальной составляющей самих «медиа, журналистики и производителей контента» (С.6). Встроенность данной работы в структуру политических исследований объясняется тем, что наследие находится под охраной государства, реализуется с помощью государственной информационной политики, направленной на создание местной, региональной и национальной идентичности и культурной экономики.

Развитие Санкт-Петербурга оказывается вписано в общие стратегии развития городов страны и российского общества в целом, но планы реализации стратегии городского развития Санкт-Петербурга оказываются уникальными, что делает объект исследования вполне оправданным.

Новизна исследования А.М. Сосновской заключается в том, что в нем выявлены и локализованы реперные точки предотвращения кризиса городской идентичности, снижения интереса к наследию, а также зафиксировано изменение ситуации к лучшему, благодаря переструктурированию и стабилизации процессов идентификации и обновленной стратегии политики городской идентичности. В научный оборот введено большое количество эмпирических данных, предложены оптимальные концептуальные модели – модель самоидентификации в коммуникации и модель диспозитивного анализа дискурсов групп. Созданная теоретическая модель наследия и политики городской идентичности включает интересы и дискурсы групп, габитусы и практики горожан, способы самоопределения, самоидентификации и прерывания этих процессов. Особенностью работы является то, что в ней установлена магистральная роль медиа в формировании политик групп, разворачиваемых в рамках дискурсивного антагонизма.

Достоинство работы в рассмотрении основных аспектов формирования государственной политики, направленной на стратегическое управление развитием уникального мегаполиса Санкт-Петербург и конструирование идентичностей на этой территории. Условием стратегического управления является, по мнению автора диссертации, удовлетворение интересов горожан и комфортная среда обитания, формирование и дифференцирование городских ценностей. На конкретных примерах

показано, как стратегические коммуникации помогают обретению идентичности с помощью ассимиляции и интеграции опыта отдельными акторами, и то, как в данном дискурсивном поле артикулируют свои политики вовлеченные группы.

Структура работы логична, отражает замысел и основную концепцию исследования: материал структурирован по классической схеме – от теоретико-методологических оснований изучения феномена идентичности в коммуникации до разработки концептуальной модели коммуникации и модели диспозитивов по методологии, реконструированной в соответствии с акторно-сетевой теорией (АСТ).

В диссертационном исследовании А.М. Сосновской успешно и последовательно решены **задачи**: определены методологические основы к определению понятий «идентичность», «городская идентичность»; охарактеризованы актуальные подходы к изучению идентичности в научном дискурсе; выявлены коммуникативные аспекты построения идентичности гештальт-анализа для межличностной и массовой коммуникации; определен онтологический поворот в политических науках и теории коммуникации; выявлены культурные практики и характеристики, поддерживающие городскую идентичность, а также взаимосвязи между идентичностью и историческим наследием; реконструированы диспозитивы и коммуникативные стратегии сохранения наследия; показано влияние концептуальной модели на идентичность реципиентов в реализованном межрегиональном проекте StP4juniors «Санкт-Петербург для школьников»; продемонстрированы результаты работы концептуальной модели для анализа дискурса культурного наследия и политики городской идентичности на материалах медиа и социальных сетей.

В главе 1 анализируются подходы к концептуализации идентичности в современной мировой науке. Идентичность рассматривается как постоянно конструируемый в коммуникации феномен, а гештальт-анализ как источник концептуальной модели конструирования идентичности. Ряд разделов главы 1 посвящен дискурсивному конструированию политической социализации в СМИ (на примере гештальт-коммуникации показана рефлексивная работа музея по формированию идентичности). В главе также определяются границы влияния СМИ на формирование идентичности молодежи поколения Z. Автор исходит в своих научных рассуждениях из верных методологических посылок. Дискурс в исследовании представлен как осмысленный результат артикуляции меняющихся идентичностей, а коммуникация представлена как волна, развивающаяся в координатах времени и энергии.

Глава 2 посвящена разработке концептуальной модели коммуникации и модели диспозитивов дискурсов с использованием методологии АСТ; представлена Программа лонгитюдного исследования идентичности и наследия, объяснена специфика отбора и интерпретации эмпирического материала в рамках исследовательских и управленческих проектов; показаны механизмы построения концептуальной модели конструирования городской идентичности с учетом гештальт-анализа, акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии. Автор обосновывает эвристическую перспективность использования акторно-сетевой теории в политической науке и медиакommunikации.

Глава 3 обращена к политике городской идентичности в дискурсе наследия, анализу практик идентичности петербуржцев и ценностно-ориентированным диспозитивам дискурса культурного наследия в процедурах политической коммуникации, а также исследованию текущей политики городской идентичности и непосредственно проекта StP4juniors как реализации концептуальной модели и управления городской идентичности школьников. Диспозитив трактуется как «решительно гетерогенный ансамбль, включающий в себя обсуждения, учреждения, архитектуру, регламентирующие решения, законы, административные мероприятия, научные высказывания, философские, моральные или филантропические тезисы». Диспозитив рассматривается многоаспектно и на трех уровнях экстенциональном, интенциональном и стратегическом.

Теория спроецирована автором диссертации на проблемы формирования политики городской идентичности в дискурсе наследия. Учитываются факторы онтологического поворота и трансформации антропоцена.

Отметим особо прагматическую направленность диссертационной работы: фактологическую основу исследования составили данные, полученные в ходе реализации различных исследовательских проектов с участием автора. Обширна **эмпирическая база**, в которой представлены данные о средствах массовой информации мониторинговых агентств («Медиология»), а также отчеты КГИОП Правительства Санкт-Петербурга о результатах деятельности и сохранения наследия (нормативные документы, регулирующие работу СМИ).

Достоверность исследования обеспечена опорой на обширную **методологическую базу**. Представлены научные труды на русском и иностранных языках (более источников 450). Вполне оправдан когнитивный подход к анализу таких феноменов как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам, а также изучение убеждений, мнений, воспоминаний о прошлом в аспекте идентичности, изложений событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик (С.126). Примененный дискурсивный метод анализа текстов с включением оптики АСТ также имеет влияние на онтологическую и семиотическую перспективу.

Стоит отметить владение автором многими компьютерными программами, позволяющими собирать материалы в режиме big data (VOSviewer_1.6.16, CitNetExplorer_1.0.0, Rawgraphs3, STQR.RU, mindmeister3 и др.). Эти технические инструменты дополнили когнитивные способы анализа, сделав исследование более наукоемким и позволили их использовать для создания и визуализации плоских топологических карт, расшифровки аудиофайлов, мониторинга социальных сетей и СМИ, а также инфографики.

Диссертационная работа хорошо визуализирована: материал наглядно представлен в таблицах, отражающих все структурные стадии коммуникативно-политического процесса в ходе решения проблемы, а также стабилизирующие и дестабилизирующие факторы, влияющие на реализацию культурных проектов.

Гипотезы исследования подтверждены. Глубокое исследование, тем не менее, не лишено отдельных недостатков и содержит дискуссионные моменты.

Замечания и рекомендации:

1. Некорректно сформулирована цель исследования. Обычно при формулировании цели не указываются процедурные моменты. Кроме того, как правило, указывается одна цель. Первая часть в обозначении цели выражена туманно: *«Целью исследования является дискурсивный и акторно-сетевой анализ дискурса политики городской идентичности, исходя из процедур самоидентификации в ходе заинтересованного отношения к наследию и переключения между разными интенциями в отношении к наследию, а также разработка концептуальной модели самоидентификации в коммуникации и модели диспозитивного анализа дискурсов групп, ведущих к стабилизации городской идентичности на основе диспозитивов и онтологических особенностей сети акторов медиадискурса»* (С.17). В данной формулировке не ясно, о чьей самоидентификации идет речь, кто заинтересован в наследии, кто и каким образом переключает разные интенции в отношении к наследию.
2. Дискуссионным моментом в работе является отнесение вещей к акторам. По всей работе находим такие определения и метафоры, как «нечеловеческие объекты» (с.133), «нечеловеческие акторы», «нечеловеческие сущности» (с.183), «non-human», «симметрия между людьми и не-людьми», «нелюди в стенах лабораторий», «не-антропоцентричные практики», «овеществленные структуры» (например, *«обнаружить неодушевленных акторов на всех структурных этапах»; «Трансгуманизм и постгуманизм создаются как философии интеграции нечеловеческих объектов в человеческий мир»* (с.123)). Из контекста, не всегда ясно, кого или что имеет в виду автор? Искусственный интеллект, ботов, постчеловека; машины, имитирующие функции человека? Вообще материальный мир. Является ли слово «актор» в контексте изложенного материала «субъектом действия», «субъектом речи», если это «нечеловеческий актер»? Автор пишет, что «социальное и техническое чередуются и последовательно выравнивают различие между человеческими и нечеловеческими субъектами» (С.168). Автор ссылается на теорию поля, т.е. концепцию, заимствованная из физики, «в которой люди и события больше не рассматриваются как отдельные единицы, а как части чего-то большего, на которые влияет все, включая прошлое и само наблюдение в настоящем». Но для теории массовой коммуникации крайне важно понять, где в цепочке субъект-канал-объект информации, кто является субъектом (актором) и объектом влияния. Ведь хотя, как пишет автор на с. 183, неодушевленные предметы выполняют «стабилизирующую работу», которая удерживает и “продлевает” социальность», не делает их акторами и субъектами деятельности? На с. 202, говоря о гибридном объекте политики идентичности, автор объясняет, что под ним понимает, «коммуникативные стратегии и аффордансы человеческих и нечеловеческих акторов», а на с. 212 вновь говорит о том, что «гибридный объект представляет собой реконструированную городскую идентичность как сеть материальных и нематериальных акторов»; на с.239 пишет: «мы рассматриваем город как актора, как субъекта, обладающего агентностью и действующее лицо», на с.246 утверждает, что «материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира», а на с. 242 утверждает что материальные объекты обладают реальными и чувственными качествами». Не могу согласиться с этим тезисом. На с.326 в Заключение автор вновь подчеркивает: «Материальное наследие является материальным и социальным актором и агентом, поскольку своими аффордансами влияет на идентичность города и горожан». Можно согласиться с тем, что аспекты городского пространства формируют ядро отношений акторов». Но являются ли материальные объекты сами акторами? Бейтсон Г. в книге «Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии» пишет о том, что «акторы апеллируют к вещам как необходимой части производимой сети», но не утверждает, что вещи являются акторами с.261. На с.315 находим фразу: «запросы материальных акторов в рамках агентности наследия». Но как

материальные «акторы» могут выражать запросы и в каких формах? В политической науке до сих пор **под актором** понимали действующий субъект, совершающий действия, направленные на других. Актор может быть как индивидуальным – индивидом, так и коллективным – социальной группой или иной общностью людей, организацией, государством, межгосударственным объединением. Например, государство является главным политическим актором в политике и ведущим социальным актором в обществе. Также актор участник преобразований, движимый собственными мотивами. В политическом управлении – политические элиты, политические лидеры, политические институты; в международных отношениях, например, любой авторитет, группа, индивид субъект – активно действующий, познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа. Но и Бруно Латур, на которого ссылается Анна Михайловна Сосновская, не утверждал, что материальные объекты – это акторы. Акторы – существа, выполняющие действия, которые влияют на других существ. Актором может быть лицо, организация, а также объект, такой как вирусная группа в публичном пространстве, которая непосредственно влияет на поведение людей. Заметим, справедливости ради, что в указанных источниках, артефакты и вещи называются действующими единицами. С этим надо разбираться. И все же в диссертации надо было более четко определить понятия «актор» и «сетевые актор» и соотнести с понятием «актант» и «субъект» действия и т.д.

3. В тексте встречаются некорректные стилистические фразы и неточное употребление слов. Так, в некоторых фразах вместо слова «благодаря» используется выражение «за счет» («обновление метода дискурсивного анализа за счет включения акторов АСТ»; «следование концепции плоской онтологии за счет картирования»; «перекомпоновка содержания власти и сил за счет деконструкции связей», «сохранение материальных объектов и зданий осуществляется за счет нематериальных культурных ценностей» с.191 и т.д.). Но выражение «за счет» означает в ущерб чему-то или кому-то. экологические аспекты почвы.
4. Во Введении некоторые ссылки выглядят некорректно. В тексте на с.10 упоминается политолог Ачкасов В.А. (очевидно, Валерий Алексеевич), а в конце страницы дана ссылка на книгу «Коммуникативные технологии в политической мобилизации» под ред. В.А. Ачкасовой и Мельник Г.С. (М.: Флинта, 2017). Очевидно, имеется в виду Вера Алексеевна Ачкасова, а не Валерий Алексеевич (политолог). Это разные авторы. Здесь же дана ссылка на статью «Философия трансгуманизма в медийном дискурсе» (Гуманитарный вектор. 2022. № 2. Т. 17), где упоминается только один автор Ниязгулова А.А., но статья о имеет двух авторов.
5. В диссертации, на мой взгляд, с одной стороны, переизбыток специфических терминов, как правило, не характерных для политологических работ и потому, требующих расшифровки (коммеморация; седиментация, паратекст, аффордансы, милленалы, плагины, абдуктивные, фрактальность, контроверз, интроекты, зуммирование и масштабирование и др.). С другой стороны, отдельные фрагменты текста имеют упрощенную форму. Так текст сс. 100-110 выглядят как отчет о мероприятиях. Лучше, наверное, не перечислять операционные моменты, а показать итоги анализа проведенных мероприятий, а текст переместить в Приложение.

Вместе с тем, данные замечания не носят принципиального характера, поэтому не могут отразиться на общей положительной оценке масштабного исследования, имеющего научно-практическое значение.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Сосновской Анны Михайловны на тему: «Политика городской идентичности в дискурс культурного наследия» соответствует специальности 5.9.9. медиакоммуникации и журналистика»

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, в ней решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное значение.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация на тему «Политика городской идентичности в дискурсе культурного наследия», соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени доктора наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а ее автор « Сосновская Анна Михайловна заслуживает присуждения степени доктора политических наук по специальности 5.9.9. – медиакоммуникации и журналистика

Член диссертационного совета

доктор политических наук профессор,

профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций СПбГУ

Мельник Г. С.

21.01.2024 г.